

ПИТАННЯ ІСТОРІЇ, ДІАЛЕКТОЛОГІЇ ТА МЕТОДИКИ ВИКЛАДАННЯ МОВИ

<http://dx.doi.org/10.18524/2307-4558.2017.28.115868>

УДК 811.161.1-112'23'373:331.101.3

ЯРОЦКАЯ Галина Сергеевна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной лингвистики
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова;
Французский бульвар, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина; моб.: +38 050 3916600;
e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4456-3852

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ УСЕРДИЯ И МАСТЕРСТВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Цель* исследования — выявить ценностную динамику лингвокультурных фактов объективации усердия и профессионализма в системе русского языка и речевой деятельности. *Источниками* языкового материала послужили толковые словари, фразеологические и паремические словари, религиозные тексты, а также данные Национального корпуса русского языка. Принимались во внимание и сведения о частотности лексем и текстовой репрезентации в богословском дискурсе. *Объектом* исследования является проблема концептуализации трудовой деятельности в русской лингвокультуре: оценка труда и ценностные характеристики отношения к труду, к его результатам. *Предмет* исследования — аксиокатегории (ценностные характеристики) процессов, мотивов, результатов трудовой деятельности в сознании носителей русской лингвокультуры. *Результатом* работы является рассмотрение исторической динамики вербализации когнитивных признаков «профессионализм», «усердие» работника и его квалификации. Сделан *вывод* о преимуществе и стабильной актуальности таких черт, как старательность и добросовестность работника. Профессионализм уступает место усердию по количеству вербальных репрезентантов, частотности и, следовательно, значимости указанных когнитивных признаков. Значимость качества труда, приобретение профессионализма как утилитарные и моральные ценности не были так актуальны в русском языковом сознании, как старание и усердие, которые и сегодня остаются в центре концептуального пространства трудовой деятельности.

Ключевые слова: русская лингвокультура, мастерство, усердие, концептуализация труда.

Постановка проблемы. Действия власти, направленные на повышение экономической эффективности посредством материальных стимулов, могут иметь деструктивные последствия, если речь идёт о людях, которые не рассматривают рост своего экономического благосостояния как ценность, как элемент определённой программы. Таким образом, ошибочные представления о ценностных мотивах, которые движут людьми в трудовой деятельности, ставят под сомнение результат предпринятых властью попыток подключить людей к определённым социальным действиям. В связи с этим встаёт вопрос о выявлении той ценностной системы, с помощью которой носители русской культуры осознавали и осознают экономические условия своего существования; приоритеты и мотивы, побуждающие их к трудовой деятельности, их представления о значимости качества продукта, результатов труда и о профессионализме. Из этого следует, что изучение языковой объективации ценностных приоритетов коллективного сознания является актуальным.

Постановка задач исследования. В данном исследовании обращается внимание на аксиокатегории (ценностные характеристики) процессов, мотивов, результатов трудовой деятельности в сознании носителей русской лингвокультуры. Нашей целью является выявление ценностной динамики лингвокультурных фактов объективации усердия и профессионализма в системе русского языка и речевой деятельности. Источниками языкового материала послужили толковые словари, фразеологические и паремические словари, религиозные тексты, а также данные Национального корпуса русского языка.

Связь с предыдущими исследованиями. В. И. Карасик, исследуя этнокультурные различия в представлении отношения к труду на материале английского, немецкого и русского языков, сделал вывод о том, что отличия сводятся не к наличию и отсутствию тех или иных признаков, а к своеобразной признаковой комбинации и частотности признаков. Так, идея прилежности в русском языке связана с умственным трудом, прежде всего с учением (английское *diligent* не ассоциируется только с учебой и предполагает постоянные, а не разовые усилия). В русском языке осуждается халтурная, небрежная работа в ином ключе по сравнению с английским и немецким: в русском языке «он халтурит» означает «он не хочет делать качественно (работа выполняется попутно и поэтому

небрежно), а мог бы”, т. е. он не желает работать старательно, добросовестно. В английском языке на первый план выходит идея неумелого труда <...>, подчёркивается низкая результативность работы. Английское *businesslike* несёт положительную оценку, в то время как русское *деловой* имеет амбивалентную оценочную коннотацию, особенно в современной разговорной речи: *Деловой какой!* Отрицательная коннотация лексемы и соответствующего признака вытекает из поведения человека, ставящего дело на первый план, а поддержание хороших отношений с людьми в общении — на второй. Признавая важность результата, носители русской культуры уделяют большое внимание процессу и особенно мотивации труда. Для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем для себя и на себя), а для России — этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку (не случайны этимологические ассоциации “труд — страдание”, “работа — рабство”) [5, с. 63].

Таким образом, аксиологический аспект концептуализации трудовой деятельности как объективной необходимости (а не внутренней потребности человека) характеризуется наличием утилитарных (работать, чтобы выжить) и моральных (усердно работать, стараться) ценностных признаков.

Изложение основного материала. Мы исходим в своём анализе из того, что доказательством актуальности, значимости для языкового сознания той или иной аксиокатегории являются: 1) номинативная и семантическая плотность тематической группы слов, вербализующей концепт, 2) детализация наименования, степень репрезентированности данного концепта фразеологическим фондом языка, 3) частотность слов-репрезентантов концепта в текстах разной жанровой принадлежности, 4) внутренняя форма слов как ценностный мотив концептуализации, 5) аксиологические пресуппозиции в семантике вербальных репрезентантов; 6) прагматический потенциал номинантов концепта [9].

Мы обратили внимание на отсутствие в толковых словарях, фиксирующих лексику древнекиевского и московского периодов истории русской лингвокультуры, **лексем с семантикой оценки эффективности и результативности труда**. Возможно, это говорит о том, что степень внешнего принуждения в труде была более значимой, чем внутренняя: когда человек осознаёт то, что работает на себя и для себя (ср. глагол *трудити* означает ‘принуждать, заставлять’, а у сущ. *беда* исторически первичное значение ‘быть принуждаемым, испытывать притеснения’ [3]). Ещё одной причиной отсутствия вербальных репрезентантов когнитивного признака «профессионализм» является, с нашей точки зрения, сфокусированность русского языкового сознания на земледелии и скотоводстве как основных видах трудовой деятельности, в которых на первый план выходит не мастерство и профессионализм работника, а его старание, усердие и добросовестность. Только «ремесленный труд» актуализирует признаки мастерства и умения.

Когнитивные признаки «старание», «усердие» и «небрежность», «недобросовестность» представлены в древнекиевском языке вербальной оппозицией *стараться, старание — варзать, варзанье*. Этимологические данные свидетельствуют о том, что основным семантическим компонентом лексемы *стараться* является ‘пытаться делать что-либо с усердием, качественно, добросовестно’. В противоположность старанию, лексема *варзать* — проявлять небрежность, недобросовестность в выполнении работы’ (ср. *варзать* — ‘делать небрежно, плохо, пакать, шутить’, *варзгать* ‘марать’, *наварзаться* ‘наесться до отвала’ <...> связано с *ворзатъ* ‘торопливо хлебать’. Из русск. заимств. лтш. *varzât* ‘делать плохо, тяп-ляп’ [16, т. 1, с. 275]. Соответственно, негативная оценочность присутствует в семантике глагола *варзать* — нежелание старательно, добросовестно работать, тогда как старательность, усердие и добросовестность, серьёзное отношение к работе оценивается положительно, несмотря на то, что такая работа сопряжена с усилием, утомлением. Таким образом, оценка дана отношению к труду — осуждается небрежность, одобряется усердие, старательность. Сам ‘труд’ (пахать=страдать) является антиценностью, так как осознаётся как деятельность, вызывающая состояние утомления, напряжения, болезненности и мучений.

Вербализация оценочного отношения к трудовому процессу (старательность/небрежность: *трудиться — варзать*) подчёркивает значимость этической оценки «трудового поведения» субъекта, а не оценки результатов его труда. *Варзает* не тот, кто не умеет хорошо, старательно трудиться, а тот, кто не хочет прилагать усилия, стараться (ср. в Словаре русского языка XI–XVII вв. толкование лексемы *плохо* — 1) без труда, легко, 2) без старания, как попало, оплошно [13, вып. 15, с. 109]).

Несмотря на наличие утилитарных мотивов труда (основным мотивом труда являлась потребность в возмещении затраченных усилий кормлением (работаем, чтобы *кормиться* в древнем языковом сознании), вербальные репрезентанты образно-оценочного признака «получать еду незаслуженно, не отработав, не заплатив трудом» (*дармоед, трутень, туняедец*) объективируют негативную морально-этическую оценку подобного поведения.

Отношение к труду как процессу и как результату обозначено ценностной спецификой в православном дискурсе. Если в дохристианском обыденном языковом сознании восточных славян подчёркивалась ценность старательности и усердия как отношения к самому процессу труда, то в богословском дискурсе отражено ценностно-нормативное отношение не только к процессу, но и к мотиву и результату труда. Основным мотивом трудовой деятельности является осуществление богоугодного дела — служения Богу, ближнему, а не материальное вознаграждение за труд. Особо подчёркива-

ется в религиозных текстах значимость добросовестного, прилежного труда как долга работника перед работодателем и перед Богом. Позитивную оценку качества труда фиксируют в богословском дискурсе лексемы *мастеръ, мастеровой, мастерски* и т. д., где *мастеръ* — искусно выполняющий работу, *искусно* от «искусившийся, опытный» [15, т. 2, с. 603]. Лексема *мастеръ* является заимствованием из немецкого языка, её значение в Словаре русского языка XI–XVII вв. фиксируется как 'глава, начальник, смотритель' [13, вып. 9, с. 36–37], что позволяет предполагать, что сема 'мастерство' есть результат смыслового развития значений 'начальник' и 'смотритель'.

Существует определённое противоречие в трудовой этике православия: труд, являясь наказанием, ниспосланным человеку за грехи, вместе с тем требует материального вознаграждения; критерием моральной оценки труда является его богоугодность / небогоугодность; физически тяжёлый труд, являясь низшей ступенью в иерархии значимости, тем не менее, заслуживает высокой моральной оценки, поскольку тот, кто терпеливо сносит все его тяготы, воспитывает смирение и уподобляется Христу.

Анализ паремических блоков, образованных вокруг вербальных репрезентантов трудовой деятельности, выявил, что когнитивный признак «мастерство, профессионализм» как характеристика квалификации практически не представлен в паремиях, в отличие от когнитивных признаков «добросовестность», «усердие» и «старательность».

Труд, работа оцениваются не только положительно, но и отрицательно. Пословиц и поговорок, выражающих сомнение в целесообразности трудиться, правда, намного меньше, чем пословиц и поговорок, положительно характеризующих труд. Работать не имеет смысла, поскольку труд не приносит богатства, но наносит ущерб здоровью человека (напр., *И с топора не богатеют, а горбатеют. От работы не будешь богат, а будешь горбат* [12]). Именно этот образ явился семантической основой глагола *горбатиться* в современном русском языке.

Высказывается суждение о том, что предпочтительнее бедная жизнь, чем выполнение тяжелой работы (напр., *Хоть корку глотать, да не пеня ломать*). Иногда утверждается, что человеку ни к чему предпринимать какие-либо действия, стараться сделать что-либо, поскольку от него ничего не зависит, все тщетно. Если Богу будет угодно поощрить человека, то он это сделает в любом случае (напр., *Бог даст, <и> в окно подаст*).

Противоречивость утверждений, содержащуюся в паремиях, следует объяснить, отмечает В. Н. Телия, тем, что «язык может отражать и доминирующие в той или иной культурной среде и в то или иное социальное время факты группового или корпоративного, а не только общенародного самосознания» [6, с. 235]. Иначе говоря, пословицы создаются в разных социальных группах; они по-разному могут и истолковываться. Аналогично этому высказывание Е. Бабаевой о том, что парадоксальность паремий можно объяснить «неоднородностью субъектов, выступающих в качестве носителей оценочных норм, наличием различных мотивировок оценки и оценочных стереотипов» [1, с. 157].

В проанализированных пословицах и поговорках выражено отношение к труду, главным образом, русских крестьян. Наличие аграрной лексики подтверждает то, что многие из пословиц и поговорок, ставшие объектом нашего анализа, возникли в крестьянской среде: *плуг, соха, хомут, цеп, межа, гуж, орать (землю), пахать (землю), жать, нива, лямка, сеять, урожай, закрома, вол, колос, сноп, стог, молотило, молотить, поле, пашня* [12].

Образно-перцептивные признаки, зафиксированные в лексемах с корнем *дѣл-* в целом совпадают с экспликацией признаков, выделяемых в репрезентантах *служба, трудъ* и *работа*. Однако дополнительными признаками следует признать «активность», «созидательность», «мастерство». *Дѣло* — деятельность, направленная на создание, изготовление, обработку некоего изделия, предмета, то есть *делание (дело)*, в отличие от труда, служения и работы, имеет характеристики, отражающие **производительный характер деятельности**, что приближает концептуализацию дела к значению ремесленнического труда.

Именно с этим, на наш взгляд, связано то, что только вербальные репрезентанты с корнем *-дѣл-* обладают ценностной спецификой — «результативность труда» и «уменье» и фиксируют значимость качества труда в русской лингвокультуре. Ср. *дѣлание* — 1. Труд, работа. 2. Изделие, сооружение; результат труда. 3. Уменье, мастерство. *Дѣлательство* — 1. Обязанность, поручение. 2. **Мастерство** [13, вып. 4, с. 294] (Выделено нами — Г. Я.). Интересным является пример вербализации когнитивного признака «мастерство» как **великохитрости** — искусство, мастерство [13, вып. 2, с. 68]. Однако профессионализм, проявление стремления к качественному результату труда и заинтересованность в нём остаётся в периферийной зоне концепта ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Семантика лексемы *бракъ*, заимствованная из немецкого языка (*браковати, бракование, браковщикъ*), отсылает к лексико-семантическому полю торговли (исходя из контекстов и словарных дефиниций), т. е. качеством товара, предназначенного для продажи: ср.: *бракъ* — оценка качества товара, определение его сорта. *Браковщикъ* — тот, кто определяет качество товара, сорт товара [13, вып. 1, с. 314].

Таким образом, актуализация признака «мастерство» характерна для лексем со значением 'ремесло': *рукодѣлание, рукодѣлатель, рукодѣлецъ, рукодѣльник, рукодѣльствие, рукомес-*

ло, *руководительник, рукотворение, рукохудожник, рукохудожество* — ремесло, мастерство [13, вып. 22, с. 249–259].

Появление самой заимствованной из немецкого языка лексемы *мастеръ* — первоначально, *мастырь, майстеръ* (от лат. *магистр*) — мастер, ремесленник [14, т. 2, с. 115]) в значении 'смотритель, начальник' [13, вып. 9, с. 36–37], а позднее 'ремесленник', свидетельствует о том, что до XVII века когнитивный признак «мастерство» = 'профессионализм' не имел однозначной иоднословной номинации в русском языке. Лексемы *мастрота, мастерство* употреблялись в значении 'ремесло'. Способности и качества делового человека получают вербальное воплощение в лексеме *дВлець* — деловитый, способный человек [13, вып. 4, с. 292].

В петербургский период, по данным словаря, изданного в 1847 г., в лексемах *умВтель* — устар. знающий, сведущий в чём-нибудь, знаток, искусник [15, т. 4, с. 727], *мастеръ* — 1. Свидетельствованный в своём искусстве ремесленник. 2. Искусный в чём-нибудь [15, т. 2, с. 606] и *мастерство* — 'рукоделие, ремесло' зафиксированы значения, которые позволяют сделать вывод о том, что концептуализация смысла «знание», «опыт», «умение», «искущённость в чём-либо» = «профессионализм» соотносится с семантическим полем «ремесло, рукоделие». Возможно, высокое качество труда, мастерство, профессионализм как ценностные категории находились на периферии обыденного сознания и не являлись актуальными смыслами, поскольку земледельческий (сельскохозяйственный), а не ремесленный труд являлся основой концептуализации трудовой деятельности в русской лингвокультуре предыдущих периодов. Высокая номинативная плотность когнитивного признака «усердие в труде» свидетельствует об актуальности данной характеристики субъекта: ср.: *усердие, рвение, старание, старательный, ревнение, ревнивый (ревностный), радетельный, радетельство* и др.

Подобные выводы созвучны мнениям, высказываемым в научной философской и социально-политической литературе: «мастерством в России в связи со слабым развитием рынка интересовались относительно мало, но оно было доступно размыслам (инженерам) и высоко ценилось мастеровыми (рабочими, ремесленниками), о чём свидетельствуют сказы горнозаводского Урала и Тулы» [2, с. 56].

Таким образом, лексемы со значением 'профессионализм', 'мастерство' / 'мастер' (*великохитрость, умВтель, дВлательство*) вербализуют периферийные когнитивные признаки. Немногочисленные вербальные репрезентанты качества труда, профессионализма отмечены только в дериватах с корнем *-дВл-*. Можно предположить, что значимость качества труда, обретение профессионализма как утилитарные и моральные ценности не являлись актуальными в языковом сознании. Слабый акцент на значимости результатов трудовой деятельности связан, возможно, с концептуализацией вознаграждения за труд как мотива деятельности.

Исследователи русского национального характера пришли к выводу о том, что как ни парадоксально, но «талант повиновения» высоко ценился и в начальный период развития молодого российского капитализма, когда для хозяина в рабочем были ценны не мастерство, выучка и старательность, а покорность и вечная благодарность «благодетелю фабриканту» [2, с. 46].

В петербургский период концептуализация трудовой деятельности расширяется за счёт появления новых семантических компонентов 'качество труда' и 'профессионализм', о чём свидетельствует появление новых значений у таких лексем, как *мастер, мастерица, мастерище, мастеровой* — ремесленник, *мастерок* — крестьянин <...> [15, т. 2, с. 606], *мастерить, мастерская, мастерски, мастерство* — рукоделие, ремесло, *мастер* — 2. искусный в чём-либо <...>, в свою очередь, *искусный, искусник, искусница* от *искус* — опыт [15, т. 1, с. 284]. Стилистическим синонимом *мастера* является лексема *мастак* (простонар.), а *мастерить* — *мастачить* [15, т. 2, с. 606].

Ранее, как уже было сказано, когнитивный признак «мастерство» передавался лексемой *великохитрость*. В петербургский период лексикографы предваряют толкование пометой «церк.»: *хитрость* — 1. церк. искусство, мастерство, художество, ремесло. 2. предусмотрительность. 3. лукавство, коварство, злоумышленность; *хитроствовати* — употреблять особое искусство при делании чего-либо; *хитрец* — 1. церк. художник, искусник. 2. проныра, лукавец [15, т. 4, с. 842]. Пресуппозитивная семантическая связь *мастерства* и *хитрости* отражает концептуальную близость этих понятий в русском языковом сознании.

Старание, прилежание и искущённость (опытность) как ценностный ориентир трудовой деятельности эксплицируется в лексеме *деловый* — прилежный, искущённый в делах [15, т. 1, с. 804]. Образно-оценочные признаки небрежности в работе вербализуются в неологизме петербургского периода *тяп-ляп* — небрежность в деле. Прилагательное *кустарный* — сделанный без особого старания [15, т. 2, с. 499], однокоренное с *кустарь* (мелкий фабрикант) объективирует пресуппозитивную семантическую связь между продуктом, сделанным без старания, и мелким фабричным производством. Работник, мастеровой, не имеющий достаточно навыка, определяется как *недовычный*. *Сноровка (приноровка)* (ухватка, приём, ловкость при делании чего-либо) является признаком опытного мастера.

Вербализация признаков «старание/небрежность» в работе, как видим, осуществляется за счёт исконно русских лексем, в отличие от семантики шарлатанства: *шарлатанить* — не имея основа-

тельных познаний, выдавать себя за знатока перед не знающими дела [15, т. 4, с. 945]. Эта вербализация успешно ассимилировалась в русском языковом сознании: ср. производные *шарлатан*, *шарлантанский*, *шарлатанство*, *прошарлатанить*. Лексема *халтура* — (из «поминки, даровое угощение на похоронах») в русский литературный язык пришла из семинарского аргю, где *халтура* восходит к ср.-лат. *chaltularium* «поминальный список» [3].

О возникновении значения 'халатное, недобросовестно-небрежное отношение к работе, к своим обязанностям' у лексемы *халатность* писал В. В. Виноградов [3]. Слово *халатный* по своему образованию является относительным прилагательным, производным от слова *халат* (например, *халатный* покррой, *халатная* ткань). Но с сер. XIX в. это слово выражает также переносное качественное значение: 'небрежно-безразличный и недобросовестный, неряшливо-нерадивый' (к работе, к выполнению обязанностей), например, «*халатное* отношение к работе». Семантическая эволюция имени прилагательного *халатный* началась в 30–40-е гг. XIX в. До этого времени в дворянской культуре *халат* лишь воспевался как символ русского барства с его ленью и небрежной распушенностью. Халат был типичной домашней одеждой помещика и чиновника, в которую они были облачены большую часть дня. Мелкие же чиновники, подьячие, мещане и семинаристы считали халат своим парадным, выходным одеянием.

На семантической истории слов *халатный*, *халатность* сказалось сильное влияние творчества Гоголя, его индивидуально-художественного словоупотребления. Н. В. Гоголь придал слову *халатный* ироническую окраску, применив его в переносном смысле: склонный к халату, т. е. к лени и покою. В «Мёртвых душах» говорится о *халатных побуждениях русской натуры...*. На основе этого гоголевского словоупотребления в 40–50-е гг. в слове *халатный* развилось значение 'распущенный, лениво-недобросовестный'. Тогда же было образовано слово *халатность*. Однако в дальнейшем *халатность* всё менее связывается с уютной домашней расслабленностью и ярче становится отрицательная оценка в этом слове. Оно начинает указывать исключительно на плохую, небрежную работу (ср. похожее по внутренней форме выражение *спустя рукава*) [4, с. 216]. В современном языке это уже термин из уголовного кодекса (*преступная халатность*).

Выводы. Таким образом, понятийные признаки «качество труда», «профессионализм работника» объективируются заимствованными и исконно русскими лексемами, выражающими как присутствие профессиональных навыков у работника, так и их отсутствие. Ценностное наполнение приобретают признаки «опытность, старание, прилежность» (*искусъ, искусникъ*). Антиценностью с точки зрения русской лингвокультуры является нарушение моральных норм работником (*шарлатанство*), недобросовестное отношение к работе (*халатность, халтура, тяп-ляп*).

В советский период идеологема *созидательный труд советского человека* становится ценностью, сопоставимой с этическими категориями *добро, благо, свобода, совесть. Богоугодность, праведность труда* как ценность богословского дискурса уступила место новой версии *созидательного, общественно-полезного труда на благо Родины. Устойчивые сочетания честный, добросовестный* актуализируют ценностную составляющую — 'труд, осуществляемый в соответствии с предписаниями идеологии, предоставляет материальные блага для субъекта'. *Честность и добросовестность* в трудовой деятельности расширяют номинативное пространство усердия и старания. Вербальным воплощением показателя интенсивности труда служат идеологические клише *трудовой энтузиазм, трудовой подъём, трудовой героизм*, где лексемы *энтузиазм, подъём и героизм* сводятся к синонимам, а прилагательное *трудовой* выполняет прагматическую функцию мобилизации адресата, привлечение его к труду.

Семантика профессионального уровня и качества труда получила развитие инновациях *специалист, бракодел, халтурщик* и устойчивых номинациях *знаток своего дела, мастер своего дела, знак качества*. Лексема *мастер* перешла в разряд номинаций должностей и званий: *мастер производственного обучения, старший мастер, заместитель мастера, помощник мастера*. Неологизмы *профессия, профориентация, профтехучилище, профсоюз* получили широкое распространение в советской публицистике и повседневной речи носителей русского языка и культуры, в отличие от низкочастотных *профессионал, профессионализм, профнепригодный* [11].

Ценности постсоветского периода, несмотря на лексическую динамику в русском языке конца XX и начала XXI века, в целом, показывают устойчивость ценностных приоритетов предыдущих периодов. Относительная стабильность ценностной системы, воплощённой в русском языковом сознании, подтверждается и результатами массовых свободных ассоциативных экспериментов. Н. В. Уфимцева проследила динамику русского языкового сознания, опираясь на данные нескольких ассоциативных словарей [7], что позволило установить, что с 60-х годов XX в. неизменной остаётся соотносённость структуры русского языкового сознания со структурой этнических констант [8].

Таким образом, семантическая эволюция профессионализма в трудовой деятельности, уплотнив номинативное пространство, не изменила ценностный вектор, сохранивший актуальность и позитивные оценки *прилежания, усердия* в труде.

Литература

1. Бабаева Е. В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Бабаева. — Волгоград : Перемена, 2004. — 424 с.
2. Бороноев А. О. Россия и русские : Характер народа и судьбы страны / А. О. Бороноев, П. И. Смирнов. — СПб. : Лениздат, 1992. — 144 с.
3. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. — 4-е изд. / В. В. Виноградов. — М. : Русский язык, 2002. — 528 с.
4. Зализняк А. А. Константы и переменные русской языковой картины мира. (Язык. Семиотика. Культура) / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. — М. : Языки славянских культур, 2012. — 696 с.
5. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. — М. : Гнозис, 2013. — 320 с.
6. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — М. : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
7. Уфимцева Н. В. Язык, сознание, культура : [сборник статей] / Н. В. Уфимцева. — М. : Publisher, Эйдос, 2005. — 399 с.
8. Уфимцева Н. В. Языковое сознание : динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. — М. : Ин-т языкознания РАН, 2011. — 252 с.
9. Яроцкая Г. С. Аксиогенез экономического сознания в русской лингвокультуре : монография / Г. С. Яроцкая. — Одесса : Одесский нац. ун-т им. И. И. Мечникова, 2013. — 552 с.

Список использованных источников и условных обозначений

10. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. — М. : Протестант, 1991. — 925 с.
11. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL : <http://www.ruscorpora.ru/>. — Загл. с экрана.
12. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля : в 3 т. — М. : Русская книга, 1993.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. [Электронный ресурс]. — М. : Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28. — URL : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. — Загл. с экрана.
14. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 3 т. Репринтное издание [Электронный ресурс]. — М. : Книга, 1989. — URL : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>. (Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского). — СПб., 1893.
15. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук : в 4 т. — Второе изд. — Санктпетербургъ, 1867.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. — СПб. : Терра-Азбука, 1996.

References

1. Babaeva, E. V. (2004), *Lingvocultural descriptions of axiological Russian and German world pictures : Thesis [Lingvokulturologicheskie kharakteristiki russkoj i nemeckoj aksiologicheskikh kartin mira :dis. ... d-ra filol. Nauk : 10.02.01 — russkij jazyk]*, Peremena, Volgograd, 424 p.
2. Boronoev, A. O., Smirnov, P. I. (1992), *Russia and Russians : Character of the people and destiny of the country [Rossija i russkie : Kharakter naroda i sud'by strany]*, Lenizdat, St. Petersburg, 144 s.
3. Vinogradov, V. V. (2002), *Essays on the history of literary Russian language of XVII–XIX cc., 4th ed. [Ocherki po istorii russkogo literaturnogo jazyka XVII–XIX vv. — 4-e izd.]*, Russkij jazyk, Moscow, 528 p.
4. Zaliznjak, A. A., Levontina, I. B., Shmel'ov, A. D. (2012), *Constants and variables of the Russian language picture of the world. (Language. Semiotics. Culture) [Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira. (Jazyk. Semiotika. Kultura)]*, Jazyki slavjanskikh kultur, Moscow, 696 p.
5. Karasik, V. I. (2013), *Language matrix of culture [Jazykovaja matritsa kultury]*, Gnozis, Moscow, 320 p.
6. Teliya, V. N. (1996), *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and lingvocultural aspects [Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekty]*, Jazyki russkoj kultury, Moscow, 288 p.
7. Ufimtseva, N. V. ed. (2005), *Language, consciousness, culture : collection of articles [Jazyk, soznanie, kultura : sbornik statej]*, Publisher, Ejdos, Moscow, 399 p.
8. Ufimtseva, N. V. (2011), *Language consciousness : dynamics and variability [Jazykoe soznanie : dinamika i variativnost']*, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, 252 p.
9. Yarotskaya, G. S. (2013), *Axiogenesis of economic consciousness in Russian lingual culture : monograph [Aksio-genez ekonomicheskogo soznaniya v russkoj lingvokulture : monografija]*, Odessa I. I. Mechnikov National University, 552 p.

List of source sand symbols (references)

10. Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments (1991) [Biblija. Knigi Svjaschennogo pisanija Vekhogo i Novogo Zaveta], Protestant, Moscow, 925 p.
11. National corps of Russian [Nacionalnyj korpus russkogo jazyka], available at : <http://www.ruscorpora.ru>.
12. Proverbs of the Russian people : collection in 3 vol. by V. I. Dahl (1993) [Poslovice russkogo naroda : sbornik V. I. Dalja v 3 t.], Russkaja kniga, Moscow.
13. Dictionary of the Russian Language of 11–17 centuries (1975–2008) [Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.], Nauka, Moscow, vol. 1–28, available at : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>.
14. Sreznevskij, I. I. (1893 / 1989 reprint), *Materials for Old Russian Dictionary / Dictionary of the Old Russian Language [Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka : v 3 t. / Slovar' drevnerusskogo jazyka : v 3 t.]*, St. Petersburg / Kniga, Moscow, available at : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>.

15. *Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second department of the Imperial Academy of Sciences, 2nd ed.* (1867) [*Slovar' cerkovno-slavjanskogo i russkogo jazyka, sostavlennyj vtorym otdeleniem Imperatorskoj Akademii Nauk : v 4 t. — 2-e izd.*], St. Petersburg.

16. Fasmer, M. (1996), *Etymologic Dictionary of the Russian Language* [*Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka : v 4 t.*], Terra-Azбука, St. Petersburg.

ЯРОЦЬКА Галина Сергіївна,

доктор філологічних наук, професор кафедри прикладної лінгвістики

Одеського національного університету імені І. І. Мечникова;

Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38(0482)680562; моб.: +38 050 3916600;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4456-3852

ЛІНГВОАКСІОЛОГІЯ СТАРАННОСТІ ТА МАЙСТЕРНОСТІ В ІСТОРІЇ РОСІЙСЬКОЇ ЛІНГВОКУЛЬТУРИ

Анотація. *Мета* цього дослідження — виявити ціннісну динаміку лінгвокультурних фактів об'єктивації старанності і професіоналізму в системі російської мови та мовної діяльності. Джерелами мовного матеріалу слугували тлумачні словники, фразеологічні та паремічні словники, релігійні тексти, а також дані Національного корпусу російської мови. Було взято до уваги також відомості про частотність лексем і текстової репрезентації в богословському дискурсі. **Об'єктом** дослідження є проблема концептуалізації трудової діяльності в російській лінгвокультурі: оцінка праці та ціннісні характеристики ставлення до праці, до її результатів. **Предмет** дослідження — аксіокатегорії (ціннісні характеристики) процесів, мотивів, результатів трудової діяльності у свідомості носіїв російської лінгвокультури. **Результатом** роботи є розгляд історичної динаміки вербалізації когнітивних ознак «професіоналізм», «старанність» працівника і його кваліфікації. Зроблено **висновок** про перевагу та стабільну актуальність таких рис, як старанність і сумлінність працівника. Професіоналізм поступається ретельності за кількістю вербальних репрезентантів, частотності і, отже, значущості зазначених когнітивних ознак. Значимість якості праці, придбання професіоналізму як утилітарні і моральні цінності не були такими актуальними в російській мовній свідомості, як старанність і сумління, які й сьогодні залишаються в центрі концептуального простору трудової діяльності.

Ключові слова: російська лінгвокультура, майстерність, старанність, концептуалізація праці.

Galyna S. YAROTSKA,

Doctor in Philological Sciences, Professor of the Applied Linguistics Department

of Odessa I. I. Mechnikov National University; 24/26 Frantsuzskij blvd., Odessa, 65058, Ukraine;

tel.: +38(0482)680562; mob.: +38 050 39166 00;

e-mail: g.yarotskaya@gmail.com; ORCID ID: 0000-0003-4456-3852

LINGUAXIOLOGY OF CRAFTSMANSHIP AND DILIGENCE IN THE HISTORY OF RUSSIAN LINGUAL CULTURE

Summary. The *purpose* of the research is to reveal the value dynamics of lingvocultural facts of objectification of diligence and professionalism in the system of the Russian language and speech activity. The *sources* of the language material were explanatory dictionaries, phraseological and paremic dictionaries, religious texts, as well as data of the National Corps of the Russian language. Information about the frequency of lexemes and textual representation in theological discourse was also taken into account. The *object* of the study is the problem of conceptualizing labor activity in Russian lingual culture: the evaluation of labor and the value characteristics of attitudes toward work and its results. The *subject* of the research is axiologies (value characteristics) of processes, motives, results of labor activity in the consciousness of the owners of Russian lingual culture. The *result* of the work is the consideration of the historical dynamics of verbalization of cognitive features "professionalism", "diligence" of the employee and his qualifications. The *conclusion* is made about the advantage and stable relevance of such features as the diligence and conscientiousness of the employee. Professionalism gives way to diligence for the number of verbal representatives, the frequency and, consequently, the significance of these cognitive features. The importance of the quality of labor, the acquisition of professionalism as utilitarian and moral values, were not as relevant in the Russian language consciousness as exertion and diligence, which are still at the center of the conceptual space of labor activity.

Key words: Russian lingual culture, craftsmanship, diligence, conceptualization of labor.

Статтю отримано 8.10.2017 р.